
АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ*

Весной 1918 г., готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров «Правды», «Известий» и даже «Речи».

Я отправился в Кремль в последний раз повидаться с Лениным и при разговоре упомянуть о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция,— сказал Владимир Ильич,— но только неужели вы, в самом деле, думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

Все еще находясь под наивным убеждением, что Америка желает узнать правду о России и русской революции, я ответил:

— Я в этом несколько не сомневаюсь.

Ленин покачал головой и весело рассмеялся. Потом сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особенное внимание моему чемодану. И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку ему попасть не удалось. Каким-то непонятным для меня образом он где-то исчез.

Это было во время блокады. По-своему, Америка тоже переживала блокаду. Власти, не разрешавшие вывоз медицинских принадлежностей и разных товаров в Россию, в то же время не разрешали ввоз в Америку русских газет и сведений о России.

А между тем массы американского народа жадно хотели знать правду о русской революции. Их воображение было захвачено необыкновенными, потрясающими событиями в России. И особенно они интересовались великим вождем русской революции — Лениным.

Как известно, лозунг американских газет всегда был и есть: «Преподноси публике то, что ей нравится». Если у редактора нет новостей, он должен фабриковать их сам. И поэтому место фактов о Ленине заняла фикция. Каких только пелестей, какой только дичи ни печатали о нем в газетах! Чтобы придать всем этим басням вид достоверности, они всегда «получались от собственных корреспондентов» в Париже, Лондоне и Стокгольме...

В ответ на всю эту глупость, ложь и клевету я написал «Десять месяцев с Лениным», снабдив книжку подробной биографией Владимира Ильича. Когда читатели будут читать эту книжку, а критики подходить к ней со своим мериллом, я прошу тех и других помнить, что она была написана для американцев, а также помнить условия, при которых она была написана. Писать в то время в Америке о России в доброжелательном духе было опасно. Интервенция повсюду накладывала свою лапу, и трудно было втиснуть хотя бы строчку в какой-нибудь журнал или газету. Но иногда, как большая редкость, попадались либеральные редакторы. Один из та-

---

* Настоящие воспоминания представляют собой выдержки из одноименной книги известного американского журналиста, очевидца Великой Октябрьской социалистической революции Альберта Р. Вильямса, изданной в 1925 г. в Ленинграде.

ких редакторов взял на себя риск и напечатал мою статью о Ленине в своем журнале «Азия» («Asia») за август 1919 г...

* * *

Во всех случаях жизни Ленин проявлял крайнее самообладание. События, которые других доводили до безумного состояния, для него служили лишь поводом к сохранению спокойствия и душевного равновесия.

Единственное историческое заседание Учредительного собрания представляло собой очень бурную сцену. На этом заседании две партии сцепились в смертельной схватке. Боевые выкрики делегатов, стук по пюпитрам, громы и молнии ораторов, две тысячи голосов, страстно поющих «Интернационал» и «Революционный марш», заряжали атмосферу электричеством. Настроение повышалось с каждым часом и к вечеру достигло своего апогея. Крепко охватив перила, стиснув зубы, в крайне нервном, возбужденном состоянии, сидели мы на галерее и следили за происходящим. Ленин сидел в ложе первого ряда, и лицо его выражало неподдельную скуку.

Наконец, он встал и, удалившись на задний план платформы для президиума, присел на ступеньках, покрытых красным ковром. Изредка он бросал взгляды вокруг себя, рассматривая это громадное стечение народа. Затем он подпер голову рукой и закрыл глаза. Красноречие ораторов и рев собрания катились у него над головой, но он продолжал мирно дремать. Раза два он открыл глаза, посмотрел вокруг себя и потом опять закрыл их.

Через некоторое время он встал, потянулся и спокойной походкой направился к своему месту в ложе.

Мы с Джоном Ридом сошли с галерей и проскользнули в зал, чтобы узнать мнение Ленина об Учредительном собрании. Он что-то ответил нам равнодушным тоном. И затем сразу спросил, как идет работа в бюро пропаганды. Его лицо прояснилось, когда мы сказали, что материал печатается целыми тоннами и через окопы направляется в германскую армию. При этом мы добавили, что встречаются затруднения при работе на немецком языке.

— Ах, да,— воскликнул он, внезапно оживляясь...— как ваш русский язык? Можете ли вы уже разбираться в речах?

— Слишком много слов в русском языке,— ответил я уклончиво.

— Вот в этом-то и дело,— сказал он.— Языком нужно заниматься систематически. Нужно в самом начале овладеть основами языка. Я скажу вам, какого нужно держаться метода.

Метод Ленина вкратце состоял в следующем: во-первых, нужно изучить все имена существительные, потом все глаголы, потом все прилагательные и наречия и затем все остальные слова; нужно изучить этимологию и начатки синтаксиса и потом практиковаться в языке везде и повсюду, при встрече с каждым русским человеком. Отсюда ясно, что метод Ленина был не столько тонкий, сколько всесторонний. Словом, это был его метод завоевания буржуазии в приложении к завоеванию языка — самое серьезное занятие предстоящим делом. Но он очень оживленно излагал нам свой метод.

Он склонился на барьер ложи и, блестя глазами и жестикулируя, продолжал говорить. Наши со товарищи-журналисты глядели на нас с завистью. Они полагали, что Ленин «сдирает кожу» со своих противников или сообщал нам какие-нибудь «тайны», или уговаривал нас энергичнее стать на сторону революции. В такой критический момент, несомненно только подобные темы могли вызвать такой взрыв энергии у главы великого русского государства. Но они ошибались. Председатель Совета Народных Комиссаров Российской Республики просто излагал перед нами свой взгляд, как нужно иностранцу изучать русский язык, и наслаждался дружеским разговором.

При напряженных, горячих дебатах, когда противники Ленина немилосердно его «чистили», он обычно сохранял полнейшее спокойствие и даже проявлял юмор. После своего доклада на IV съезде Советов Ленин занял место на сцене, чтобы выслушать нескольких своих противников, взявших слово. Когда он считал фразу противника удачной, он широко улыбался и аплодировал вместе с другими. Когда же, по его мнению, противник нес чепуху, Ленин проницательно улыбался и аплодировал в насмешку (ударяя ногтем большого пальца правой руки о ноготь левой).

Одним из секретов силы Ленина является его необыкновенная искренность. Он искренен со своими друзьями. Он всегда, конечно, радуется, когда пополняются ряды его партии, но он никогда никого не привлекает на свою сторону изображением в розовых красках условий работы или перспектив в будущем. Наоборот, он скорее изображает все в более мрачных тонах, чем есть на самом деле. Суть многих речей Ленина заключается в следующем:

«Цель, к которой стремятся большевики,— очень далекая цель. Многие из нас даже не представляют себе, насколько она далека. Мы прошли уже очень трудный, тяжелый путь, но впереди еще много труда, голода, борьбы с врагами. Как не трудно было прошлое, в будущем предстоит еще большие трудности».

Это, конечно, не очень привлекательная картина. Не простой призыв к оружию. И тем не менее как итальянцы стремились к Гарибальди, обещавшему им раны, тюрьмы и смерть, так русские объединяются вокруг Ленина. В такой прямоте Ленина таится некоторое разочарование для тех, которые ожидали, что их вождь станет возвеличивать то, к чему он призывал, и будет рисовать такие перспективы, что невольно заставит каждого пойти за ним. Но Ленин чувствует, что нужное побуждение родится у слушателей само собой, изнутри.

Ленин искренен также со своими заклятыми врагами. Один англичанин, говоря о необыкновенной прямоте Ленина, рассказывает, как он сказал ему:

— Против вас, как против личности, я ничего не имею. Но политически вы — мой враг, и я должен пользоваться всеми средствами, чтобы вас уничтожить. Ваше правительство относится ко мне так же. Ну, а теперь давайте посмотрим, как далеко мы можем пойти вместе.

Эта печать искренности лежит на всех его публичных выступлениях. Ленину чужды обычные атрибуты всякого дипломата-политика: обман, блестящее словоизвержение, рисовка. Сразу чувствуется, что он не может обмануть даже если бы захотел. И по тем же причинам он не может обманывать и самого себя.

Источники его информации очень обширны и дают ему массу фактов. Эти факты он взвешивает, просеивает и подвергает испытанию. И затем пользуется ими, как стратег, как химик, оперирующий с социальными элементами, как математик. Он подходит к фактам следующим образом:

«Вот эти факты говорят за нас: раз, два, три, четыре». Он вкратце перечислял их. «А вот эти — против нас». И он тоже считал их: «Раз, два, три... Нет ли еще?» — спрашивал он. Мы усиленно ворочали мозгами, стараясь отыскать еще что-нибудь, но обычно напрасно. Взвесив данные той и другой стороны, за и против, он принимался за вычисление, словно решал математическую задачу.

В своем преклонении перед фактами Ленин представляет прямую противоположность Вильсону. Вильсон, как артист слова, всякую речь украшает блестящими фразами, которые ослепляют и гипнотизируют народ и скрывают от него безобразную экономическую действительность. Ленин действует, как хирург, со скальпелем в руках. Он срывает маску с простых экономических мотивов, скрывающихся за пышными фразами империалистов. Их воззвания к русскому народу он показывает в истинном свете, обнаруживая за их прекрасными обещаниями подлую, хищную руку эксплуататоров.

Будучи неумолимым к фразеологии «левых», тех из них, которые за революционными фразами прячутся от действительности, он считает своим долгом лить уксус и желчь в подслащенную воду революционно-демократического красноречия и ко всякому сантименталисту и глашатаю разных лозунгов относится с нескрываемой насмешкой.

Когда немцы вели наступление на Красный Петроград, со всех концов России в Смольный лился настоящий поток телеграмм с выражением ужаса, протеста, негодования. Телеграммы обычно заканчивались: «Да здравствует непобедимый русский пролетариат!», «Смерть хищникам и империалистам!», «Мы будем защищать Столицу Революции до последней капли крови!».

Ленин, читая эти телеграммы, распорядился послать депешу всем Советам с просьбой не присылать в Петроград революционных фраз, а слать войска, а также

сообщать точно, сколько записалось в армию добровольцев, сколько имеется оружия, амуниции и продовольствия.

* * *

С наступлением немцев началось бегство иностранцев из России. Русские были немного удивлены, что иностранцы, все время дико вопившие «смерть гуннам!», старались заранее убраться, когда эти самые гунны подходили настолько близко, что им можно было дать отпор.

В эту минуту я вспомнил о своем обете, данном на броневике, и записался в Красную Армию...

— Поздравляю! Или я должен сказать по-английски: «My felicitations!» — сказал Ленин.— Дела наши в настоящий момент не совсем хороши. Старая армия драться не станет. Новая пока больше на бумаге. Только что сдался Псков, не оказав никакого сопротивления. Это преступление. Председателя Совета нужно расстрелять. Наши рабочие обладают большим героизмом и готовы на жертвы. Но у нас нет хорошо обученных людей, нет дисциплины.

Таким образом в нескольких фразах он представил мне положение на фронте и затем закончил:

— Нет другого выхода, как мир. Но Советы могут вынести решение продолжать войну. Во всяком случае, я поздравляю вас со вступлением в революционную армию. После той борьбы, которую вам пришлось вести с русским языком, я думаю, вы будете хорошо бороться с немцами.

Подумав минуту, Ленин добавил:

— Один иностранец может сделать многое. А может быть, вы сумели бы найти еще кого-нибудь?

Я сказал, что постараюсь организовать отряд.

Ленин любил все делать сразу. Задуманный план или решение он немедленно стремился провести в жизнь. Он тотчас же позвонил Крыленко, новому главнокомандующему. Не отыскав его, он написал ему записку.

К вечеру мы уже организовали отряд «Интернационального легиона» и выступили взывание ко всем иностранцам вступать в этот отряд. Но Ленин на этом не успокоился. Для него было недостаточно, что кто-то делает это очень важное дело. Он сам строго следил за организацией «Интернационального легиона», входя во все подробности. Два раза он звонил в редакцию «Правды» с просьбой напечатать воззвание по-русски и по-английски. Затем он распорядился разослать это воззвание по телеграфу по всей стране...

* * *

Весной 1918 г., когда весь мир смеялся над идеей о возможности революции в Германии, когда армии кайзера громили союзников во Франции, Ленин в разговоре со мной сказал:

— Падение кайзера близко. Он не протянет и года. Это можно сказать с уверенностью.

Девятью месяцами позже кайзер вынужден был бежать от яростного гнева своего народа.

При моем последнем свидании с Лениным, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Риса Вильямса я плюю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах...».

Ленин написал это быстро, легко, запнувшись лишь один раз. Он не мог подобрать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал: «ultimately».

— Да,— сказал он,— революция победит. Может быть, скоро, а может быть,— он поднял глаза на меня и улыбнулся,— ultimately... Может быть, потребуются и два десятка лет. Во всяком случае, мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху войн и революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы думаете уезжать в Америку? (Это было в мае 1918 г.).

— Я еще определенно не решил,— отвечал я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — запротестовал я.— Да, вы знаете, что по мнению Реймонда Робинса есть надежды на признание Америкой советского правительства в самом ближайшем будущем.

— Возможно, что он так думает,— сказал Ленин.— Но, ведь, полковник Робинс является представителем американской либеральной буржуазии, а политику Америки направляют другие. Там правит финансовый капитал. А финансовому капиталу нужна Сибирь. И он попытается отправить своих солдат, чтобы захватить ее.

Я никак не мог согласиться тогда с такой точкой зрения... А 29 июня 1918 г. я собственными глазами имел возможность наблюдать, как во Владивостоке высадился десант американских моряков, в то время как русские монархисты, чехи, англичане и японцы сорвали флаг Советской республики и подняли трехцветный флаг павшей монархии.

Предсказания Ленина так часто оправдывались, что его взгляд на будущее, по меньшей мере, очень интересен. Вот суть того, что было высказано Лениным в известном интервью, данном им французскому журналисту Нодо и напечатанном в парижском «Тан» в апреле 1919 г.:

«Будущее мира? — сказал Ленин.— Я не пророк. Но одно можно сказать с уверенностью: капиталистическое государство, примером которого может служить Англия, отмирает. Старый строй обречен на гибель. Экономические условия, порожденные войной, толкают мир к новому строю. Эволюция человечества неизбежно идет к социализму.

Кто мог бы поверить несколько лет тому назад, что в Америке возможна национализация железных дорог, пусть даже как военная мера? И мы также видим, что американское правительство объявило монополию на хлеб, чтобы лучше использовать хлебные ресурсы в интересах всего государства. Все те возражения, которые приводятся против государства, нисколько не помешали этой эволюции. Правда, необходимо придумать и создать новые пути контроля, чтобы устранить недостатки. Но всякие попытки помешать государству быть высшей властью напрасны. Ибо неизбежное грядет и грядет в силу собственной инерции. Англичане говорят: «Качество пудинга узнается при еде». Говорите, что хотите о социалистическом пудинге, но только все народы начинают все больше и больше пробовать этого блюда».

* * *

Во всех своих распоряжениях и декретах Ленин и советское правительство явно обнаруживают, насколько они ценят умственный труд. Во всех областях Ленин стремится использовать экспертов. Он даже обращается за помощью к бывшим царским генералам как авторитетам в военном деле. Если Маркс, немец,— авторитет Ленина в революционной тактике, то Тэйлор, американец,— его авторитет в наиболее продуктивном и научном ведении труда. И он всегда подчеркивает ценность специалиста во всех областях промышленной жизни. Он верит, что Советское государство будет подобно магниту привлекать к себе специалистов из других стран. Он считает, что при советском строе для них будет более широкая возможность проявлять свои творческие способности, чем при всяком другом строе.

В своем обозрении общественных сил Ленин дает оценку различным элементам общества. Интеллигенции отводится должное место до и после революции. Как агитаторы, представители интеллигенции помогли осуществлению революции. Как специалисты, обладающие известной квалификацией и техническими познаниями, они помогут навсегда закрепить завоевания революции.

Американские техники, инженеры и другие специалисты пользовались особенным уважением в глазах Ленина. Он хотел иметь таких специалистов пять тысяч человек, иметь их немедленно, и согласен был предложить им самое большое вознаграждение. На него нередко нападали за его особенное проявление симпатии к Америке.

На самом деле американский капитализм является для Ленина не меньшим злом, чем капитализм всякой другой страны. Но Америка слишком далеко. Она не может непосредственно угрожать Советской России. И она предлагает товары и специалистов, которые нужны России. «Почему же в таком случае не заключить договора в интересах обеих стран?» — спрашивает Ленин.

Но может ли коммунистическое государство иметь дело с капиталистическим государством на почве взаимности? Могут ли эти две формы государств существовать бок о бок? Эти вопросы были предложены Ленину французским журналистом Нодо.

— А почему нет? — ответил Ленин. — Нам нужны техники, ученые и различные предметы заграничного производства. Кроме того, мы одни не в состоянии разработать до максимума огромные ресурсы нашей страны. При таких обстоятельствах, хотя для нас это может быть и неприятно, мы должны признать, что наши принципы, проводимые в России, должны вне России уступить место политическим соглашениям. Мы совершенно серьезно и искренно предлагаем проценты на иностранные займы и за неимением денег будем выплачивать их хлебом, нефтью и другим сырьем, которого у нас имеется в достатке. Мы решили дать концессии на разработку лесов и шахт некоторым гражданам государств Антанты при условии, что они будут относиться с уважением к главным принципам нашего государства. Мы хотели бы дать концессии какой-нибудь международной ассоциации на постройку Великого северного пути. Знаете ли вы об этом? Этот путь должен протянуться на 3000 верст, начинаясь у Онежского озера и проходя мимо Котласа через Уральские горы к реке Оби. Огромные, девственные леса, площадью приблизительно 8 000 000 гектаров, и разного рода неразработанные минеральные богатства находятся на территории, которая попадает в сферу этой концессии. Эта государственная собственность отдается на известное время, скажем на 80 лет, с правом выкупа. Мы не предлагаем на ассоциацию никаких суровых обязательств. Мы требуем только соблюдения советских законов, как восьмичасовой рабочий день и контроль рабочих организаций. Правда, все это очень далеко от коммунизма и совершенно не соответствует нашим идеалам, и мы должны сказать, что этот вопрос породил горячую полемику в нашей печати. Но мы решили принять то, что диктуется необходимостью переходного периода.

— И вы, значит, считаете, — сказал Нодо, — что несмотря на всю опасность, которой могут подвергнуться иностранные капиталисты, — опасность, которая далеко не исключена и может возрасти в любое время, — что несмотря на это, иностранные капиталисты проявят настолько мужества, что явятся в Россию и позволят ей проглотить их капиталы? Нет, я думаю, что они не возьмутся за такое дело, не имея при себе вооруженной силы своей страны. А можете вы им дать разрешение на подобную оккупацию?

— Это будет совершенно излишне, — отвечал Ленин, — ибо советское правительство будет строго соблюдать все условия, которые оно подпишет.